

УДК 911. 327.8

В.Д. Нечаев¹, И.А. Чихарев², А.А. Ирхин³, Д.В. Маковская⁴

КОНЦЕПЦИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО АТЛАСА БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Представлен исследовательский проект «Геостратегический атлас Большого Средиземноморья», посвященный исторической и политической географии макрорегиона, включающего в себя Средиземное, Черное и Азовское моря, граничащие с ним государства и прилегающие территории. Обращено внимание на кризис «Евросредиземноморской» парадигмы в исследовании макрорегиона, причинами которого стала «Арабская весна», кризисы внутри Европейского союза, а также «Русская весна» – возвращение Российской Федерации в регион после воссоединения Крыма и Севастополя с Россией, развертывания Сирийской операции. Данные обстоятельства требуют разработки качественно новой концепции макрорегиона как большого пространства, связывающего ряд регионов – Единую Европу, Средиземноморье, Ближний Восток – с Дальним Востоком, Южной Азией, Северной Евразией. В подобном соединении роль России является ключевой. На основе предложенной Фернаном Броделем методологии изучения процессов «большой длительности», критической геополитики, а также концептов «мягкой силы» и «умной силы» участники проекта принимают широкомасштабное историко-географическое исследование, картографируя геоморфологическое строение и историю региона. В результате формируется новая концепция макрорегиона как особого коммуникативного пространства, призванного сбалансировать процессы глобализации и обеспечить устойчивое мировое развитие.

Ключевые слова: Средиземноморье, Европейское Средиземноморье, «большие пространства», «большая длительность», геополитика, глобализация

Введение. Масштабное и динамичное расширение присутствия России в Черноморско-Средиземноморском регионе после событий «Русской весны» 2014 г., воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией, последующие события – операция военно-космических сил России в Сирии, реализация крупных инфраструктурных проектов (прежде всего – открытие Крымского моста), а также задачи разработки стратегии России в данном регионе потребовали актуализации и обновления «базы знаний» о нем, его качественно новой репрезентации в отечественной и мировой политической географии. На решение этой научной задачи направлен проект «Геостратегический атлас Большого Средиземноморья», реализуемый Севастопольским государственным университетом в коллаборации с Лабораторией комплексного картографирования географического факультета МГУ, учеными из НИУ-ВШЭ (М.В. Ильин), Института географии РАН (В.А. Колосов), Крымского федерального университета и др.

Существовавшие в советское время подходы и представления об этом регионе основывались на геополитических реалиях периода «холодной войны», на межцивилизационные конфликты накладывались идеологические противоречия и связанные с ними

клише, применялась марксистская методология. При этом в советской военно-политической стратегии и в географии присутствовало целостное представление о регионе Средиземноморья [Арбатова, 1990; Пархалина, 1989]. Геостратегически оно подкреплялось действиями в Средиземном море и далеко за его пределами (вплоть до западной Атлантики) 5-й Средиземноморской эскадры ВМС СССР. Но постсоветский период и до недавнего времени Средиземноморье исследовалось на субрегиональном уровне (Восточное, Западное Средиземноморье и т. п.) или же «распределялось» по принадлежности к соответствующим академическим институтам – Востоковедения, Европы. Собственно, «евроцентричный» взгляд на Средиземноморье остается доминирующим в период с 1990-х по сегодняшний день [Gillespie, Volpi, 2018]. Появился политико-географический термин «Евросредиземноморье» (Euro-Mediterranean), который описывает регион с точки зрения сотрудничества государств Европейского союза со странами Северной Африки, Ближнего Востока [Marks, 1996]. Интересно отметить, что с учетом отнесения к сфере влияния стран-кандидатов в ЕС и государств, охваченных «политикой соседства», единственным (!) государством Черноморско-Средиземноморского бассейна, не относя-

¹ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», профессор, докт. политических н., профессор, ректор; *e-mail*: info@sevsu.ru

² ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Институт общественных наук и международных отношений, доцент, канд. политических н., директор; *e-mail*: ichikharev@yandex.ru

³ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Институт общественных наук и международных отношений, доцент, докт. политических н., зам. директора; *e-mail*: alex.irhin@mail.ru

⁴ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», НОЦ «Международные политические исследования Большого Средиземноморья», канд. политических н., вед. науч. с.; *e-mail*: 76mdvl@mail.ru

щимся к «Евросредиземноморью», остается Россия. Эта ситуация легко объяснима с точки зрения геополитических реалий 1990–2000-х гг.: в этот период времени США были сосредоточены на «форматировании» Большого Ближнего Востока, а Евросоюз постепенно развертывал экономическую и гуманитарную экспансию; одновременно Россия постепенно сдавала позиции в регионе. Международники, политические географы, регионоведы были вынужденно ограничены «евросредиземноморским подходом».

При этом нельзя не отметить, что как в рамках «евросредиземноморской парадигмы», так и за ее пределами появлялись весьма интересные научные исследования, такие как проект Института Европы РАН и Института стратегических оценок и анализа «Средиземноморье–Черноморье–Каспий»: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» [Шмелев с соавт., 2006]. Отметим макрорегиональный и даже «метарегиональный» подход объединенных данным проектом ученых, точно определенную ими логику формирования в конце XX – начале XXI века новых «больших пространств» – Большого Среднего Востока (БСВ) и «Большой Европы». Под ней подразумевается макрорегион Европейского союза – на тот момент «самого конструктивного в истории международных отношений и до сих пор очень успешного проекта европейской интеграции» [Шмелев с соавт., 2006]. Новые «большие пространства», несмотря на все отличия по инструментарию гуманитарно-интервенционистского проекта БСВ от гуманитарно-технологического Евросредиземноморского проекта, работали в одной логике и были призваны «перекрыть» постбиполярные разломы в Европе, на Ближнем Востоке, в Северной Африке – а в итоге переформатировать пространство под деятельность новых успешных игроков евроатлантического мира – США и ЕС. Очевидно, что в таком политико-географическом, геополитическом и геостратегическом ландшафтах не находилось места России, которая стремительно теряла влияние на Ближнем Востоке, не могла решать приоритетные геополитические проблемы на Балканах, реализовывать стратегические геоэкономические проекты. Однако американский и европейский проекты «больших пространств» к концу первого–началу второго десятилетия XXI в. оказались в кризисе: США столкнулись с проблемами в Ираке, Иране, Сирии; реализацию проектов Союза для Средиземноморья существенным образом затормозили мировой финансово-экономический кризис, последовавшая за ним «Арабская весна» и внутренние проблемы в ЕС, в частности – выход Великобритании из Союза [Gozzi, 2018]. Таким образом, к 2014 г. в целом сложились геополитические предпосылки для прорыва, а затем и планомерного вхождения России в Средиземноморский регион. В обозначенной нами логике это актуализирует научную задачу новой политико-географической концептуализации региона и его многомерного исследования на основе методов современной политической географии и геополитики.

Даже кратко очерченная в настоящем вступительном разделе динамика региональных процессов, заставляет говорить также о важности историко-географического исследования макрорегиона Причерноморья и Средиземноморья. В условиях многочисленных споров о границах, статусе и топонимике государств и территорий Черноморско-Средиземноморского бассейна – Крыма, непризнанных государств на территории Грузии, Молдавии, Украины, Палестины и Израиля, Каталонии и др., насущной научной задачей является историко-географическая реконструкция макрорегиона.

Отдельным и особо значимым для нас является вопрос места и роли России, Русской цивилизации, Русского мира в Средиземноморье. В силу исторических причин, роль Крыма и Севастополя, Причерноморья и Средиземноморья в развитии российской государственности и ответное влияние России на макрорегион в последние три десятилетия практически не рассматривались. Следствием явились грубые искажения истории со стороны новейших интерпретаторов.

Методология и материал исследования. Концепт «Большое Средиземноморье» очевидно отсылает к французской исторической школе «Анналов» и исследованиям французского историка и исторического географа Фернана Броделя. Помимо самого концепта и всестороннего исследования обозначенного им макрорегиона, Бродель является основоположником методологии историко-географического исследования, в основе которого лежит различие трех типов социального времени – эпизодического, конъюнктурного и «времени большой длительности» («большого» или «исторического времени») [Бродель, 1977]. Именно в большом времени развертывается его историко-политическая география Большого Средиземноморья. На основе методологии «исторической длительности» Бродель выделяет этот макрорегион как целостность, несмотря на все климатические, цивилизационные и геополитические различия.

В развитие концепции французского ученого И. Валлерстайн выдвигает категорию «пространственно-временных реальностей», в котором каждому типу времени сопоставляет соответствующий пространственный масштаб. В результате он предлагает концепты, обладающие значительным эвристическим потенциалом – 1 – «эпизодическое геополитическое время-пространство», 2 – «циклическо-идеологическое время-пространство», 3 – «структурное время-пространство», 4 – «трансформационное время-пространство» и 5 – «вечное время-пространство». Если применить эту эвристику к макрорегиону Большого Средиземноморья, то в первом пространстве мы увидим сегодняшнюю диспозицию сил в регионе и ее ежедневную динамику, во втором – циклы доминирования различных идей и образов, десятилетиями и столетиями конструирующих регион как политико-географическое целое, в третьем – долгосрочную структурную целостность региона на протяжении тысячелетий, в пятом – гео-

морфологическую определенность данного участка планетарного пространства. В четвертом же, «трансформационном времени», происходят события вроде бы эпизодические, но определяющие формирование региона как минимум на протяжении очередного исторического цикла, а иногда и меняющие структуру и даже геоморфологию региона (например, «Черноморский потоп»). В отечественной науке эту методологию развивает концепция «геохронополитики» М.В. Ильина, где диапазонам политической темпоральности – Повседневности, Истории и Хроносу – соразмерны пространственные масштабы: месторазвитие («пространство политики в его первом и ближайшем масштабе является непосредственно обозримым»), регион («обобщенные пространства – земли, края, страны»), и, наконец, глобальный мир («планетарный масштаб человеческой ойкумены в целом») [Ильин, 1997].

Еще один методологически важный подход – разделение геополитической практики и геополитического дискурса, проведенное в рамках «критической геополитики». «Картина мира, складывающаяся в массовых представлениях в целом и отдельных социальных групп в частности, сильно отличается от реальной. В наш век бурного развития средств массовой коммуникации представления о мире заменяют сам мир. Геополитическое пространство не только в сознании рядовых граждан, но и профессиональных политиков обычно состоит из сформированных коллективным и индивидуальным опытом символов и мифов» [Колосов, 2003].

На этой основе происходит изменение понимания сущности геополитики, в фокусе ее внимания оказывается не столько реальное географическое пространство и борьба за него, но репрезентации пространства. «Постмодерная геополитика, которую, вероятно, следует интерпретировать как метагеополитику или геополитологию, должна иметь дело с виртуальными геополитическими ансамблями образов, рассматриваемыми в качестве поля действия определенных геополитических сил», – утверждает Д.Н. Замятин [2004]. В этом отношении для политической науки принципиально отличать постмодернистскую игру воображения и позитивное научное исследование политико-географических образов. Позитивный способ изучения, по мнению В.А. Колосова, может быть осуществлен методами ментального и когнитивного картографирования, сравнительно-географическими и статистическими методами, контент-анализом [Колосов, 2004]. Неудивительно, что этот подход дал в последнее время надежные и признанные за рубежом результаты [Колосов, О'Локлин, 2008].

Наконец, в последнее время появляется качественно новая модификация геополитического и политико-географического знания, которую можно обозначить как исследование собственно политического пространства, возникновение которых Замятин описывает следующим образом: «Классическая геополитика (в трудах Мэхэна, Маккиндера, Челлена, Хаусхофера) использует языковые стратегии

первого уровня, связанные с артикулированием и интерпретацией элементов географической карты. Географическая карта выступает языком геополитики, и любая геополитическая концепция складывается из карты и письменного текста, накладывающегося на картографические изображения и составляющего их специфическую оболочку. На втором уровне происходит отделение языка геополитики от его картографической основы и непосредственное манипулирование географическими концептами с целью построения автономных геополитических образов. На третьем уровне формирование геополитических образов осуществляется в специфической языковой среде, где географические названия и/или понятия играют роль маркеров, кодов», которые, с точки зрения исследователя, формируют «особую образно-геополитическую карту, имевшую мало общего с традиционной географической» [Замятин, 2001]. Интересно, что, говоря о третьем уровне, исследователь ставит в один ряд понятия и географические названия. Это весьма характерно для современных политико-пространственных исследований, в которых совмещаются пространство политики (например, географическое) и политическое пространство.

Категория политического пространства до сих пор концептуально проработана слабо. Позволим себе утверждать, что география представляет собой пространство политики, но не политическое пространство. Последнее, на наш взгляд, более корректно было бы понимать как распределение власти, силовых возможностей субъектов политики. Это распределение лишь воплощается в физическом пространстве, в географии. Другое дело, что на протяжении значительного отрезка мировой истории те или иные конфигурации сил достаточно устойчиво воспроизводились, порождая иллюзию вневременного характера принципов геополитики. Но объяснение заключается в том, что однажды закрепленная в пространстве власть приобретает это пространство в качестве дополнительного ресурса. Можно предположить, что хронополитике могла бы соответствовать «хорополитика», рассматриваемая как концептуальная проработка политического пространства, исследующая распределение не геомассы, но специальных политических ресурсов или власти, понимаемой не как концентрация материальных ресурсов, но как «идеократическая» способность их мобилизовать.

Фернан Бродель определяет макрорегион следующим образом: «Средиземноморье, рассматриваемое согласно запросам истории, должно быть обширной зоной, которую следует равномерно продолжать во всех направлениях на большое расстояние от морских побережий. По прихоти нашего воображения оно уподобляется силовому полю, магнитному или электрическому, или, проще говоря, световому источнику, яркость излучения которого по мере удаления от него слабеет, но это не дает нам возможности раз и навсегда провести линию разграничения между светом и тенью» [Бродель, 2002].

Это определение позволяет зафиксировать три важных для нашей методологии тезиса. Во-первых, Большое Средиземноморье (БС) не является исключительно «бассейновым» феноменом – оно приобретает качество «большого пространства» только тогда, когда «подключает» к коммуникативным процессам, характерным для морских сред (торговым, транспортным, военным), – значительные континентальные пространства. Так, во введении мы кратко очертили евроатлантический проект Большого Средиземноморья, призванный включить БС в атлантический проект глобализации. В Древнем мире в качестве подобных проектов можно рассматривать Персидскую империю, Римскую империю, империю Александра Македонского и т. д. Во-вторых, конкретно-исторические параметры региона задаются протяженностью силового поля. Если Бродель здесь приводит аналогии с магнитным или электрическим полем, то опираясь на современную теорию мировой политики эти понятия можно интерпретировать и даже операционализировать в терминах военно-стратегической и политической мощи, «мягкой» и «умной» силы [Чихарев, Столетов, 2015]. Макрорегион в историческом диапазоне формируется как проекция силовых возможностей и стратегического видения ведущих держав и взаимное наложение таких проекций. Таким образом и очерчиваются границы ключевых политических проектов в регионе и его общие контуры. В-третьих, во времени большой длительности Большое Средиземноморье охватывает циклы великих империй и мироустроительных идей, «вырастает» над ними и бытует как «центральная цивилизация» [Wilkinson, 1987], то есть геоморфологически и географически детерминированная ключевая зона мирового развития.

Результаты и обсуждение. На основе данных методологических установок в ряде историко-географических и политико-географических очерков Большое Средиземноморье было рассмотрено в различных временных и пространственных масштабах в разные исторические периоды. Такой подход можно признать экспериментальным, но данный опыт позволил прийти к некоторым научным результатам и наметить дальнейшую исследовательскую программу.

М.В. Ильиным был предложен панорамный взгляд на геохронополитику БС – начиная с геоморфологии макрорегиона и заканчивая планом «освоить новую роль древнего ядра Центральной цивилизации в глобальных связях с дальневосточной и южно-азиатской цивилизациями вдоль восточного гребня Средиземноморского шва, Старого Света с Новым» [Ильин, 2018].

А.П. Кабаченко и М.А. Матросов помимо масштабного историко-географического исследования Большого Средиземноморья от первых поселений до XIV в., предложили, начиная с Саргона Древнего, выделять в истории макрорегиона циклы сис-

тематизации и дискретности отношений между народами. Завоевательные походы царя Аккада и Шумера в XXIII в. до нашей эры рассматриваются исследователями как одна из первых попыток имперской «систематизации» Средиземноморья [Кабаченко, Матросов, 2018]. Д.В. Маковская, исследуя Большое Средиземноморье XV–XVIII вв., использует методологию Броделя и, рассматривая данный период в рамках «конъюнктурной истории», обращает особое внимание на Крым и Российское государство в макрорегионе и приходит к выводу, что «в Большом Средиземноморье в течение XV–XVIII вв. формировалась современная историко-геополитическая конфигурация мира ... заложены основы ключевых противоречий в регионе, имеющие проекцию на современность, сформированы основы цивилизационного противостояния православной, англо-саксонской и восточной (тюркской) цивилизаций» [Маковская, 2018].

В этом же пространственно-временном диапазоне, но уже в период 1783–2014 гг. Россию и Большое Средиземноморье исследуют А.А. Ирхин и Л.П. Нелина, ставя проблему «возрождения большого российского пространства», которая «сводится в итоге к конкуренции на постсоветском пространстве интеграционных проектов» [Ирхин, Нелина, 2018].

Ряд других очерков выполнен в ином пространственно-временном диапазоне. А.П. Кабаченко и В.В. Коваленко рассматривают историю Крымского и Севастопольского месторазвития с первобытных времен до наших дней [Кабаченко, Коваленко, 2018], показывая роль субрегиона как «перекрестка» перемещений народов в различные периоды истории. Специальные очерки посвящены событиям «Русской весны» и Сирийскому кризису [Мартышкин, Каннах, 2018] как важнейшим точкам трансформационного времени в современной истории Большого Средиземноморья.

Таким образом, на сегодня в рамках проекта реализована историко-географическая часть, в ближайшее время планируется перейти к исследованию современной геополитической и геоэкономической структуры макрорегиона, насыщению атласа большими массивами статистических данных.

С картографической⁵ точки зрения Геоэкономический атлас Большого Средиземноморья является уникальным продуктом. Объект картографирования как генетически единое социально-культурное территориальное образование столь значительных размеров не имеет аналогов в российской картографии. Это заставляет решать комплекс задач как технического, так и содержательно-значения.

Выбор математической основы и масштабного ряда карт должен обеспечивать отображение кардинально разных по своим размерам и формам территорий в привычных для пользователей атласа

⁵ Карты доступны на сайте проекта по адресу: rusrimland.ru

пропорциях с учетом стандартизации типоразмеров. Создание картографических основ осложнялось требованием возможности дальнейшей модернизации продукта в многофункциональный геоинформационный сервис, аккумулирующий разнообразные знания о регионе Большого Средиземноморья.

Междисциплинарный характер – отличительная черта атласа, позволяющая применять системный подход при использовании материалов пользователями, также выдвигает повышенные требования к содержанию картографических произведений и принципам картографического отображения. Важнейшей задачей являлось соблюдение принципа единства территории. При выборе способов отображения максимальное внимание акцентировалось на связи между исследуемыми объектами и явлениями, характеризующими регион исследования как единую социально-культурную систему в различные периоды ее исторического развития.

Неотъемлемым условием при составлении атласа является единство принципов составления и оформления карт. Карты атласа составлены в соответствии с принципами классической отечественной картографии, с использованием приемов и методик современного картографического дизайна.

Произведение имеет синтетический характер, зачастую не характерный для исторических карт, в картах максимально просто и понятно выделены основные историко-политические факторы развития региона. Таким образом, можно говорить, что атлас обладает потенциалом стать полноценной картографической моделью единого региона Большого Средиземноморья, возможной к трансформации в полнофункциональную геоинформационную модель.

С учетом перспективы развития атласа в полифункциональную динамическую геоинформационную модель необходимы дальнейшие исследования по следующим направлениям:

Серия карт 1. Границы Большого Средиземноморья и степень их «средиземноморскости».

Границы Большого Средиземноморья по разным критериям:

а) природно-климатическим (по январской изотерме 0 градусов, бассейнов стока, распространению средиземноморского климата, рубежам максимального оледенения, зоны распространения лиственных лесов, средиземноморской сосны, виноградников, олив, маков и т. п.); синтез этих карт;

б) культурно-историческим (этнолингвистическим прежде и ныне, распространению романских городов, сети дорог Древнего Рима, античных памятников – греческих, римских, арабских; средиземноморского образа жизни, средиземноморской кухни и т. п.);

в) социально-экономическим (доле туризма и средиземноморских продуктов в экспорте и др.);

г) политическим (участием в экономических и военно-политических организациях, размещению иностранных военно-морских, авиационных и других баз; вовлеченности в международные конфликты; степени контроля государственной территории).

Степень «средиземноморскости» каждой страны по доле территории, тяготеющей к Средиземноморью, в территории, населении, ВРП и по другим параметрам.

Серия карт 2. Факторы интеграции и фрагментации Большого Средиземноморья.

Фрагментация:

1) Разрыв между Севером и Югом в ретроспективе (темпы роста населения и занятости, ВВП и доходы на душу населения по паритету покупательной способности; обеспеченность общественными услугами и т. д.); асимметрия экономического развития (страны, в которых экономика развивается опережающими темпами по сравнению со среднемировым, и отстающие от среднемировых); центр и периферия по доле в экспорте продукции с высокой добавленной стоимостью.

2) Различные темпы и степень урбанизации; миграционные потоки Север – Юг и наиболее важные – между отдельными странами; миграционный кризис 2015–2016 гг. (масштабы перемещения населения, концентрация мигрантов, распределение квот на прием беженцев в ЕС и степень выполнения обязательств разными странами и т. п.). Важнейшие диаспоры.

3) Цивилизационные платформы и зоны их контакта (компиляция). Зоны конфликтов и их нынешнее состояние (локализация, длительность, основные акторы; фаза, численность жертв по данным Института мира).

Интеграция:

4) Система расселения: размещение крупных городов (с населением свыше 100 тыс. или 250 тыс. жителей); темпы естественного прироста (убыли) населения, общая динамика его численности в сравнении, плотность.

5) Функциональная взаимозависимость: доли взаимной торговли во внешнеторговом товарообороте каждой страны региона; прямые инвестиции и их происхождение, в том числе взаимные; крупнейшие морские порты (грузооборот и другие параметры); постоянные судоходные линии; авиационные хабы (пассажирооборот); скоростные и иные соответствующие современным требованиям железнодорожные магистрали, взаимные поставки первичных энергоносителей (нефти, газа, электроэнергии); важнейшие нефте- и газопроводы.

6) Интеграционные группировки и политические институты. Наследие империй (язык, культура ...) и динамика числа политий в регионе (по частям света: Европа, Азия, Африка, а также в Черноморском регионе). Города-побратимы.

7) Важнейшие университеты – 200 из рейтинга первой тысячи. Другие доступные показатели по университетам.

Выводы

В результате данного опыта очерчивания политической и исторической географии Большого Средиземноморья удалось определить данный концепт с учетом современных реалий, методов политической географии и геополитики, построить ряд инновационных исторических карт региона.

Сформулированы следующие выводы:

- большое Средиземноморье определяется как макрорегион, имеющий общую геоморфологическую основу, обладающий центральным значением в истории цивилизации и современном мировом развитии;
- учитывая, что регион Большого Средиземноморья с геоморфологической, географической и цивилизационной точек зрения представляет собой систему связей и коммуникаций, качество «большого пространства» придает данному региону объединение коммуникативных возможностей собственно Средиземноморско-Черноморского морского бассейна с другими регионами Евразии и Нового Света – по линиям Север–Юг и Запад–Восток;
- роль современной России в макрорегионе связана с обеспечением единства большого простран-

ства (безопасности, коммуникаций) от Дальнего Востока и Южной Азии через Каспий и Черное море – к Средиземноморью и Атлантике;

- в стратегической перспективе необходимо обеспечить роль России как ведущей региональной державы, что требует, помимо наращивания военно-стратегического и экономического потенциала, приращения знаний о регионе, «больших данных» для создания геоинформационных и навигационных систем нового поколения;

– в исторической перспективе формирование единого пространства безопасности, управляемости и развития в Большом Средиземноморье может позволить сбалансировать различные векторы глобализационных процессов и перейти к устойчивой модели глобального развития.

Благодарности. Проект реализуется в рамках Программы развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет» на 2016–2025 годы, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации 19 декабря 2015 года № 2627.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арбатова Н.К. Средиземноморье: проблемы безопасности. М.: Наука, 1990.

Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории.* М., 1977.

Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир во времена Филиппа II // *Языки славянской культуры.* М., 2002.

Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // *Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций.* Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001.

Замятин Д.Н. Российские политики мирового развития: образы и их интерпретации // *Полис.* 2004. № 4. С. 107.

Ильин М.В. Геохронополитика – соединение времен и пространств // *Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки.* 1997. № 2.

Ильин М.В. Большое Средиземноморье: развитие во времени и пространстве. Севастополь: Изд-во СевГУ, 2018. rusrimland.ru

Ирхин А.А., Нелина Л.П. Россия и Большое Средиземноморье 1783–1920 гг.: от присоединения Крыма к России до эвакуации белой элиты из Севастополя. Севастополь: Изд-во СевГУ, 2018. rusrimland.ru

Ирхин А.А., Нелина Л.П. Россия и Большое Средиземноморье (1920–2014 гг.) Севастополь: Изд-во СевГУ, 2018. rusrimland.ru

Кабаченко А.П., Коваленко В.В., Матросов М.А. История севастьяпольского и крымского месторазвития с первобытных времен до наших дней. Севастополь: Изд-во СевГУ, 2018. rusrimland.ru

Кабаченко А.П., Матросов М.А. История Большого Средиземноморья: от первых поселений до X века. Севастополь: Изд-во СевГУ, 2018. rusrimland.ru

Кабаченко А.П., Матросов М.А. История Большого Средиземноморья в X–XV вв. Севастополь: Изд-во СевГУ, 2018. rusrimland.ru

Колосов В.А., О'Локлин Дж. Социально-территориальная динамика и этнические отношения на Северном Кавказе // *Полис.* 2008. № 4.

Маковская Д.В. Большое Средиземноморье в начале XV – второй половине XVIII в. Севастополь: Изд-во СевГУ, 2018. rusrimland.ru

Мартышкин А.В., Каннах А.М. Черноморский флот в контексте российско-сирийских отношений. Севастополь: Изд-во СевГУ, 2018. rusrimland.ru

Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Отв. ред. В.А. Колосов. М.: ФОМ, 2003.

Пархалина Т.Г. (ред.) Средиземноморье: проблемы безопасности. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1989.

Чихарев И.А., Столетов О.В. «Мягкая сила» и «разумная сила» в современной мировой политической динамике. М.: Изд-во МГИУ, 2015.

Gillespie R., Volpi R. Routledge Handbook of Mediterranean Politics. Routledge, L., N.Y., 2018.

Gozzi G. Critical Perspectives on Euro-Mediterranean Relations after the «Arab Spring» // *International J. Political Science & Urban Studies.* 2018. № 6.

Marks J. High hopes and low motives: The new euro-mediterranean partnership initiative // *Mediterranean Politics.* 1996. V. 1. № 1.

Wilkinson D. Central Civilization // *Comparative Civilizations Review.* 1987. № 17.

Поступила в редакцию 27.08.2018

После доработки 25.09.2018

Принята к публикации 08.10.2018

V.D. Nechaev¹, I.A. Chikharev²,
A.A. Irkhin³, D.V. Makovskaya⁴

FRAMEWORK OF THE GEOSTRATEGIC ATLAS OF THE GREATER MEDITERRANEAN

The article presents a research project on historical and political geography of the Greater Mediterranean – a «macroregion» which includes Mediterranean, Black and Azov seas and surrounding areas. The author focuses on the crisis of Euro-Mediterranean paradigm in macroregional studies as a result of the Arab spring, crises in the European Union, and the Russian spring, i.e. the engagement of the Russian Federation in Mediterranean affairs after reunification of Crimea and Sevastopol with Russia and operation of Russian military forces in Syria. This challenge requires elaboration of a brand new concept of the macroregion as a «great area» linking several regions, e.g. United Europe, Mediterranean, Greater Middle East, with Far East, South Asia, and North Eurasia. The author postulates a crucial role of Russia in such linkage. Adopting Fernand Braudel's methodology of *longue duree*, critical geopolitics and chronopolitics along with the concepts of soft power and smart power, the project team undertakes a large-scale historical and geographical research, mapping the geomorphologic structure and the history of macroregion. The resulting innovative concept of Greater Mediterranean as a specific communicative area will contribute to balancing the processes of globalization and sustainable development.

Key words: Mediterranean region, Euro-Mediterranean, macroregion, great areas, long duration, geopolitics, globalization

Acknowledgements. The project is realized within the framework of the Program of development of the Federal State Autonomous Education Institution of Higher Education Sevastopol State University for 2016–2025, approved by the Order of the Government of the Russian Federation № 2627 of December 19, 2015.

REFERENCES

- Arbatova N.K. Sredizemnomorye: problemy bezopasnosti [The Mediterranean: safety issues]. M.: Nauka, 1990 (in Russian).
- Brodell F. Istoriya i obshchestvennyye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost' [History and social sciences. Historical duration] // Filosofiya i metodologiya istorii. M., 1977 (in Russian).
- Brodell F. Sredizemnomorye i sredizemnomorskiy mir vo vremena Filippa II [The Mediterranean and the Mediterranean world in Philippe II time] // Yazyki slavyanskoy kultury. M., 2002 (in Russian).
- Chikharev I.A., Stoletov O.V. «Myagkaya sila» i «razumnaya sila» v sovremennoy mirovoy politicheskoy dinamike [«Soft power» and «smart power» in the modern world political dynamics]. M.: MGU, 2015 (in Russian).
- Gillespie R., Volpi R. Routledge Handbook of Mediterranean Politics. Routledge, L., N.Y., 2018.
- Gozzi G. Critical Perspectives on Euro-Mediterranean Relations after the «Arab Spring» // International J. Political Science & Urban Studies. 2018. № 6
- Ilin M.V. Bolshoye Sredizemnomorye: razvitiye vo vremeni i prostranstve [The Greater Mediterranean: evolution in time and space]. Sevastopol. SevGU, 2018 – rusrimland.ru (in Russian).
- Ilin M.V. Geokhronopolitika – soyedineniye vremen i prostranstv [Geochronopolitics as a linkage of epochs and regions] // Vestnik MGU. Ser. 12. Politicheskkiye nauki. M., 1997. № 2 (in Russian).
- Irkhin A.A., Nelina L.P. Rossiya i Bolshoye Sredizemnomorye (1920–2014 gg.) [Russia and the Greater Mediterranean (1920–2014)] Sevastopol. SevGU. 2018 – rusrimland.ru (in Russian).
- Irkhin A.A., Nelina L.P. Rossiya i Bolshoye Sredizemnomorye 1783–1920 gg.: ot prisoyedineniya Kryma k Rossii do evakuatsii beloy elity iz Sevastopolya [Russia and the Greater Mediterranean (1783–1920): from the accession of Crimea to Russia till the evacuation of «white elite» from Sevastopol]. Sevastopol. SevGU. 2018 – rusrimland.ru (in Russian).
- Kabachenko A.P., Kovalenko V.V., Matrosov M.A. Istoriya sevastopolskogo i krymskogo mestorazvitiya s pervobytnykh vremen do nashikh dney [History of Sevastopol and Crimea development place from the prehistoric time till the present days]. Sevastopol. SevGU. 2018 – rusrimland.ru (in Russian).
- Kabachenko A.P., Matrosov M.A. Istoriya Bolshogo Sredizemnomoria v X–XV vv. [History of the Greater Mediterranean during the 10–15th centuries]. Sevastopol. SevGU. 2018 – rusrimland.ru (in Russian).
- Kabachenko A.P., Matrosov M.A. Istoriya Bolshogo Sredizemnomoria: ot pervykh poseleniy do X veka [History of the Greater Mediterranean: from first settlements till the 10th century]. Sevastopol. SevGU. 2018 – rusrimland.ru (in Russian).
- Kolosov V.A. O'Loklin Dzh. Sotsialno-territorialnaya dinamika i etnicheskkiye otnosheniya na Severnom Kavkaze [Social-territorial dynamics and ethnic relations in the Northern Caucasus] // Polis. M., 2008. № 4 (in Russian).
- Makovskaya D.V. Bolshoye Sredizemnomorye v nachale XV-vtoroy polovine XVIII v. [The Greater Mediterranean in the

¹ Sevastopol State University, Professor, Rector of the University, D.Sc. in Political Sciences; e-mail: info@sevsu.ru

² Sevastopol State University, Institute of Social Sciences and International Relations, Director of the Institute, Associate Professor, PhD. in Political Sciences; e-mail: ichikharev@yandex.ru

³ Sevastopol State University, Institute of Social Sciences and International Relations, Deputy Director of the Institute, Associate Professor, D.Sc. in Political Sciences; e-mail: alex.irhin@mail.ru

⁴ Sevastopol State University, Scientific and Educational Center for International Political Studies of the Large Mediterranean, Leading Research Scientist, PhD. in Political Sciences; e-mail: 76mdvl@mail.ru

beginning of the 15th – the second half of the 18th century] Sevastopol. SevGU. 2018 – rusrimland.ru (in Russian).

Marks J. High hopes and low motives: The new euro-mediterranean partnership initiative // *Mediterranean Politics*. 1996. V. 1. № 1 (in Russian).

Martynkin A.V., Kannakh A.M. Chernomorskiy flot v kontekste rossiysko-siriyskikh otnosheniy [The Black Sea fleet in the context of Russia-Syria relations]. Sevastopol. SevGU. 2018 – rusrimland.ru (in Russian).

Mir glazami rossiyan: mify i vneshnyaya politika [The world through the Russians' eyes: myths and foreign policy] / *Otv. red. V.A. Kolosov*. M.: FOM, 2003. (in Russian).

Parkhalina T.G. (red.) Sredizemnomorye: problemy bezopasnosti [The Mediterranean: safety issues]. M.: INION RAN, 1989 (in Russian).

Vallerstayn I. Izobreteniyе realnostey vremeni-prostranstva: k ponimaniyu nashikh istoricheskikh sistem [Invention of time-space realities: to the understanding of our historic systems] // *Vremya mira: Almanakh sovremennykh issledovaniy po teoreticheskoy istorii, makrosotsiologii, geopolitike. analizu mirovykh sistem i tsivilizatsiy*. Vyp. 2: *Struktury istorii*. Novosibirsk. 2001 (in Russian).

Wilkinson D. Central Civilization // *Comparative Civilizations Review*. 1987. № 17.

Zamyatin D.N. Rossiyskiye politiki razvitiya: obrazy i ikh interpretatsii [Russian politicians of the global change: images and their interpretations] // *Polis*. M. 2004. № 4. S. 107 (in Russian).

Received 27.08.2018

Revised 25.09.2018

Accepted 08.10.2018